

18+



сборник рассказов

КЛУБА ПИСАТЕЛЕЙ БАТУМИ

СИНЯЯ ПТИЦА

Елена Байрами Ольга Прохорович
Всеволод Лунев Мария Кауппинен
М.Арьянц Дмитрий Барановский
Андрей Камышев



**Дмитрий Владимирович Барановский
Всеволод Юрьевич Лунев
Елена Сергеевна Байрами
Мария Кауппинен
Андрей Витальевич Камышев
Ольга Александровна Прохорович
Марианна Арьянц
Синяя Птица.
Сборник рассказов**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73784688
ISBN 9785006972230*

Аннотация

Этот сборник – литературный эксперимент писательского клуба «Синяя птица». Его авторы – люди разного возраста, опыта и профессий, которых объединяет любовь к слову. Здесь соседствуют разные жанры и интонации: от иронии до трагедии, от наблюдений за реальностью до фантазий.

Содержание

Предисловие	5
Белый ворон	9
Медальон	13
Пища земная и пища небесная	20
Загадочная статуэтка	23
София природы	26
О ценности человека	28
Прекрасное светлое будущее	30
История одного такси	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Синяя Птица

Сборник рассказов

Авторы: Прохорович Ольга Александровна, Байрами Елена Сергеевна, Камышев Андрей Витальевич, Лунев Всеволод Юрьевич, Барановский Дмитрий Владимирович, Кауппинен Мария, Арьянц Марианна

© Ольга Александровна Прохорович, 2026

© Елена Сергеевна Байрами, 2026

© Андрей Витальевич Камышев, 2026

© Всеволод Юрьевич Лунев, 2026

© Дмитрий Владимирович Барановский, 2026

© Мария Кауппинен, 2026

© Марианна Арьянц, 2026

ISBN 978-5-0069-7223-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Всеволод Лунев

С тех пор как появилась письменность, находятся люди, которым есть что о себе заявить. Так возникли писатели – те, кто имеет дело со словом всерьёз и с азартом. Менялись эпохи и инструменты – от пера до клавиатуры, – но суть оставалась прежней: выводить реальность за привычные рамки, искать смыслы, тревожить и увлекать читателя, стараясь при этом не довести его до безумия (что, признаться, удаётся не всегда).

Писать в одиночку трудно. Поэтому писатели во все времена тянулись друг к другу – собирались в кружки, на дачах, в подвалах, в условленных местах. Нам повезло: по воле обстоятельств мы оказались в Батуми и стали литературным сообществом «Синяя птица». Здесь, на берегу моря, мы читаем тексты друг друга, спорим, ищем интонации и – иногда – спасаемся от внешней суеты.

Мы – простые люди, которым вздумалось писать. И которым суждено было встретиться именно здесь.

Батуми стал не только местом, но и состоянием – городом, который слышит, спорит, раздражает, утешает и, в конце концов, меняет взгляд. Об этом – метко говорит стихотворение Ольги Прохорович:

Шёл человек промокший по Батуми в дождливый вечер,
злясь на целый мир.

Согнувшись под зонтом, ругал погоду, ворчал, что
одинок, что нету здесь друзей.

Ему шуршало море:

– Слушай, слушай плеск волн моих и гальки тихий
шорох, и пенье птиц, и звуки саксофона.

Он отвечал сердито:

– Лишь ненормальный в дождь дудит, пытаюсь заглушить
крик чаек и камней ворчанье.

Взметнуло волны море в возмущенье.

А ветер напевал ему:

– Вдыхай камелий и магнолий аромат, жасмина запах
и цветущих роз.

Он отвечал упрямо:

– Доносишь ты лишь аромат мочи кошачьей, и плесень
стен, и чачи перегар.

В порыве гнева ветер вырвал зонтик. И, натянув
на голову рубашку, побрёл сердитый парень дальше,
проклятья бормоча.

И только девушка его не замечала, кружилась в танце,
что-то напевая под звуки саксофона.

Босые ноги море ей ласкало, в кудряшках мокрых
лепестки магнолии дрожали.

И замер парень, позабыв про дождевые струи, про
зонтик, ветром унесенный.

Услышал шорох гальки, пенье птиц и аромат магнолии
прекрасный. И плечи выпрямились, и ушла бесследно

злость.

А саксофон играл, вселяя веру в счастье.

Батуми собрал нас в один клуб и вдохновил издать этот сборник. В него вошли рассказы разных авторов – разных возрастов, направлений и интонаций. Здесь есть юмор и боль, наблюдения за человеком и краеведческие мотивы. Мы не замыкались в одной теме – напротив, позволили текстам быть разными.

Каждый найдёт здесь что-то своё.



Ольга Прохорович

Идейный вдохновитель клуба "Синяя птица"

Интересный факт о себе

Раскрывать таланты, вести за руку творческих людей - отдельное счастье жизни

*Батуми для
меня -
солнце,
фантастическое
деревья и
радость.
Место моего
душевного
исцеления.*

Биография

Ольга родом из Казани. Экономист, влюбленная в цифры – прошла путь от бухгалтера до финансового и генерального директора. Цифры отвечали взаимностью – помогли безбедно жить. Но постепенно появился другой любовник – буквы. Сначала в виде экономических статей, брошюр по программированию, докладов... Сейчас новая любовь заняла всё сердце. И хоть она не приносит денег, но позволила найти в Батуми друзей и создать писательский клуб «Синяя птица».

Пишет о жизни современников, иногда любит пофантазировать – тогда рождаются сказки.

Белый ворон

Ольга Прохорович

Вы когда-нибудь мечтали встретить синюю птицу? Скорее всего, ваш ответ – нет.

А вот Эллочка искала ее везде. Конечно, её мечта часто была поводом для шуток. Кто-то откровенно смеялся, кто-то вроде бы и сочувствовал, но не понимал. Близкие дарили ей синих птиц в виде брошек, ёлочных игрушек, сувениров, но Эллочка мечтала о встрече с живой. Зачем? Она сама не знала. Разве все мечты можно объяснить?

Элла мастерила кормушки, но их посещали воробьи, иногда синицы и снегири. Даже белки заглядывали, но синяя птица не прилетала. Элла каждый день ходила в парк кормить птиц. Зимой в белой шубке, летом в белом сарафанчике. У нее и друзья там появились – две серые вороны и рыжий кот с рваным ухом, любивший дремать, пристроившись рядом на скамеечке. Вороны ревновали девушку и пытались ущипнуть кота за облезлый хвост, но Элла сердито хмурила брови, и вороны отступали.

Но сегодня кот не спал, а прислушивался к чему-то одним ухом, да и вороны резко сорвались с места, не доев угощение.

– Светочка, приходи ко мне, я около сиреневой аллеи. Кажется, за мной кто-то следит, мне страшно, – позвонила Эл-

ла своей подруге

– Я что тебе, старушка божий одуванчик, чтобы голубей кормить? Не выдумывай, в нашем парке отродясь маньяков не было.

А за Эллой действительно наблюдали. Одна пара глаз принадлежала Виталию, местному поэту и художнику, который уже с год любовался девушкой с балкона.

– Хватит лицезреть на свою белую ворону, у тебя, итак, вся квартира ее фотографиями завалена, спустился бы и познакомился, – высунулся из комнаты Эдик.

– Еще одну сигарету, и пойду, – решил Виталик.

– Слабо, – поддразнил, выходя к нему, Эдик.

Конечно, Эллочка, как всегда, не замечала влюбленных глаз Виталика. Ее, как и кота, волновал шум за скамейкой.

Она обернулась и увидела глаза птицы. Они просили о помощи. Страх исчез, и девушка раздвинула кусты. Перед ней сидел огромный ворон, шею рассекала яркая красная полоса, кровь запеклась на белоснежных перьях, крыло было сломано, как и левая лапка. Элла протянула ему руку с оставшейся едой.

Рыжий кот изогнул спину и зашипел. К ним приближалась горбатая старуха.

– Ах, вот ты где, проклятый ворон! О свободе размышлялся, не видать тебе ее еще триста лет и три года, – орала она на птицу, пытаясь дотянуться до нее клюкой. При этом бородавка над верхней губой норовила нырнуть в ее беззу-

бый рот.

Элла загородила птицу, клюка задела ее нос, из которого потекла кровь. Кот вцепился в редкие седые пряди старухи. Ему на помощь подлетели две серые вороны. Старуха, борючая проклятия, одной рукой отбивалась от птиц, другой лупила клюкой, надеясь попасть в ворона или Элла. Наконец, ей удалось стукнуть девушку по ноге. Элла упала.

– Бежим, твоей музе нужна помощь, – Эдик рванулся в парк.

Виталий, очнувшись от грёз, побежал за ним.

«Настоящая ведьма, а я ни одного заклинания не знаю» – подумала Элла. Старуха тем временем схватила ворона за здоровую лапу. Элла подползла ближе и со всей силой дернула ведьму за ногу. Пытаясь сохранить равновесие, та ослабила внимание, одна из ворон воспользовалась моментом и клюнула старуху в глаз. Кот вцепился в руку.

Подоспевший Эдик перехватил белого ворона, бессильно падавшего на камень. Небо почернело и рядом сверкнула молния. Старуха исчезла.

Виталий пытался помочь девушке встать, но бесполезно. Колено правой ноги сместилось в сторону.

Эдик снял рубашку и бережно положил на нее ворона.

– Крепко держи девушку, я сейчас вправлю колено, – сказал он Виталию.

– Но ведь ты только на втором курсе еще, – испугался Ви-

тальи.

– У меня дед костоправ, не бойся.

Гром, молния и крик Эллы. Виталий побелел, представляя какую боль испытала она.

Эдик наклонился, чтобы заглянуть в глаза девушки, не потеряла ли она сознание. Молния сверкнула уже не в небе. Она пробежала от карих глаз до голубых, а потом в обратном направлении.

Хорошо, что дождь разогнал людей и никто не видел странную процессию. Девушку, опиравшуюся на плечи ребят, один из которых нес белую ворону, а другой рыжего кота. Сзади, как пажи, шествовали две вороны.

Дома ребята смыли кровь с белых перьев ворона, когда Эдик лечил крыло, Элла заметила несколько синих пёрышек.

– Да, больше ста лет просидел у старой ведьмы на привязи, посеешь тут, – сказал ворон.

Почему-то никто не удивился, что он говорящий.

– Как я счастлива, что тебя встретила, – сказала Элла то ли ворону, то ли Эдику.

Когда ворон поправился и улетел на свободу, Элла с Эдиком сыграли свадьбу.

А Виталий еще год жил вдвоем с рыжим котом и писал грустные стихи, пока Света не женила его на себе.

Медальон

Ольга Прохорович

Таня брела по пустынному Чеховскому скверу. Зажглись фонари и осветили десяток листочков, которые покраснели от натуги, пытаясь удержаться за клён. Она зачем-то пересчитала их.

– Вам, как и мне, страшно улетать в неизведанные края, только вас держит ветка, а меня привязывает к месту муж, хотя давно уж нелюбимый, – поведала она им свои мысли.

Домой идти не хотелось. Почему всё так совпало, что после двух лет тайных встреч именно сегодня Сергей заставил делать выбор между ним и мужем? Он уезжал и хотел оформить их отношения де-юре, чтобы получить визы. Ещё пару дней назад она, не задумываясь, выбрала бы любовника. Фу, какое неприятное слово. Не любовника, а любимого.

Зачем только она залезла в ящик письменного стола мужа? Ах да, степлер понадобился. И вот теперь она наказана за своё любопытство.

Совесть не позволяет ей остаться с Сергеем, хоть муж по-прежнему не вызывает ничего кроме раздражения, иногда переходящего в злость.

Да, зато дома стало чисто. Таня ухмыльнулась, вспоминая какой выход она придумала для выплеска ненависти. Скры-

вая чувства, она уходила в другую комнату и что-нибудь натирала до блеска.

Как бросить мужа, если он её так безумно любит? Она вспомнила, как держала растеряно золотой медальон на круглой змеиной цепочке. В него была вставлена пока только фотография мужа. Даже мою фотографию самостоятельно выбрать не может, подкаблучник, подумала она. Хотела сложить в коробочку и отправить назад в стол, но почувствовала неприятно щекотное прикосновение губ мужа к шее.

– Ну вот, сюрприз не удался, – вздохнул он.

Делая вид, что наслаждается его поцелуями, Таня стояла, склонив голову. Никак не получалось придать лицу радостно-восторженное выражение.

Наконец она справилась, чмокнула его в щеку и убежала на кухню подогревать ужин.

Хорошо, продолжала размышлять Таня, сейчас она пожалеет мужа, а что потом? Опять, тряпку в руки и натирать, натирать? Статуэтки, ложки, пол, всё без разбора. Стало нестерпимо страшно, что всё останется по-прежнему до самой старости.

Стая дубовых листочков, притворяясь воробьями, перелетела через дорогу и приземлилась на обочине, ожидая следующего порыва ветра, чтобы отправиться навстречу новым приключениям.

Подождите, листочки, я с вами.

Словно пытаюсь задержать эту стайку, со скамейки сполз на листья вибрирующий телефон. Горько рыдающая рядом девушка не заметила пропажи.

Таня подняла телефон. Звонило Солнышко. Ну вот, ещё одна трагедия. Слабо греет осеннее солнце, не может пробиться сквозь тучи, улыбнулась она. Ей стало нестерпимо жаль и себя, и незнакомку.

Таня присела рядом, вытащила из сумки бутылочку коньяка, которую купила на вечер, чтобы запить разрыв с Сергеем. Глотнула немного и протянула девушке. Та машинально отхлебнула и вернула Тане. Они молча передавали бутылку как эстафетную палочку, пока девушка не спохватилась:

– Ой, у меня же апельсин есть и конфеты.

У Тани нашлись нож и салфетки. Жидкость в бутылке мистически светилась, отражая фонарь.

– Ну, всё готово, – сказала Таня, заканчивая нарезать апельсин, – не хватает только третьего.

Телефон девушки опять завибрировал. Обе засмеялись – вот и третий.

Вибрации закончились внезапно.

– Разрядился, – сказала девушка, – может, и к лучшему. Что он мне ещё может сказать в оправдание? Знала же, что нельзя верить женатым, но разве умом выбираешь?

– Решил остаться с женой, – догадалась Таня.

– Да, со своей курицей, которая вечно в домашних хлопотах. То готовит, то с тряпкой бегает. А ведь мы вместе уже

три года, у нас сынишка. Вчера он мне предложение сделал. Сказал, что разведется и мы будем вместе. В знак этого события выбрали медальон и цепочку. С одной стороны будет его фотография, а с другой фотография нашего сына. Только не успел он её вставить, курица его нашла этот медальон и раскудаhtалась счастливая, думала, для неё он такой подарок приготовил. Не смог он её бросить.

Хорошо, что темно, думала Таня, слушая рассказ. Обида, стыд, злость и радость одновременно кипели в ней. Ну и пусть курица, зато какой непосильный груз сняла с неё незнакомка!

– Дайте руку, я вам погадаю, – вдруг неожиданно для себя предложила Таня.

Девушка доверчиво протянула изящную ладошку с длинными гибкими пальцами.

– Какая у вас линия любви, никто ей не сможет помешать. Скоро будет у вас свадьба и медальон тоже будет ваш, – Таня подняла глаза и увидела вдали знакомый силуэт, – Никуда ваш Миша не денется. Сейчас я исчезну, а он придёт, – продолжила она.

– Ой, а вы и имя по руке увидели? Кто вы? Цыганка? – спросила изумлённая девушка.

– Фея этого парка, – рассмеялась Таня и побежала домой собирать вещи, пока её муж будет утешать свою дорогую.

– Серёженька, любимый, через полчаса приезжай, я еду

с тобой, – счастливо шептала Таня по телефону, отойдя на безопасное расстояние.

Ленка крутилась перед зеркалом, примеряя свадебное платье.

– Хороша чертовка! – с завистью сказала Нина, лучшая подруга и портниха по совместительству, – что-то у тебя как по маслу всё пошло, наверняка без колдовства не обошлось, сознавайся, каким приворотным снадобьем опоила суженного своего.

– Ой, – Ленка засунула в рот уколотый булавкой палец, – да не делала я никаких приворотов, но волшебство было. Расскажу – не поверишь.

– Давай, колись, – Нина уже сгорала от любопытства.

– Представляешь, я реву в пустом парке. А ты веришь в фей?

– Нет, конечно. Я что, на дуру похожа?

– Я тоже не верила. Но представляешь – никого нет, и вдруг прямо из ночного неба спускается она. Красивая, будто из твоего журнала мод. Даёт мне какой-то любовный элексир, я была так расстроена, что не понимала, что пью.

– И какой он на вкус, твой нектар фей, пахнет жасмином или розами? – засмеялась Нина.

– Да нет, я его сначала за коньяк приняла, а потом увидела, что внутри бутылки огоньки бегают, как будто маленькие звёздочки в догонялки играют.

– Ну и фантазия у тебя.

– Слушай, не перебивай. Она взяла мою руку и сказала, что сегодня придёт Миша и мы больше не расстанемся, если допьем этот элексир вместе до конца. И улетела, прямо в ночь, как будто её и не было. Только элексир остался.

– Ещё скажи, что тут же Миша пришёл, – съязвила Нина.

– Да, представляешь, я ещё смотрю как она в небе растворяется, а Миша уже рядом стоит. Мы с ним допили элексир, а когда он вернулся домой, его курица улетела, хотя вроде бы курицы не летают, ну, ладно, ускакала в неизвестном направлении, главное, оставив согласие на развод.

– Вот это да, – воскликнула Нина, – чего только не бывает. Не зная твою многолетнюю эпопею, не поверила бы. Вот бы мне такую встретить!

Нина долго бродила по пустынным аллеям Чеховского сквера, но фея так и не прилетела. Зато прилетел вирус, и она две недели пролежала в постели. На Лениной свадьбе Нина сидела бледная и задумчивая, постоянно выбегая покурить, чтобы не видеть светящихся глаз подруги.



*Багдад для
меня — это
город вечного
солнца*

Дмитрий Барановский

Философ, который пошёл глубже — и до сих пор не всплыл.

Интересный факт о себе

Любитель игры в шахматы и шашки, а также футбола

Биография

Родился в Ленинграде на излёте советской эпохи. Учился и в гимназии, и в обычной школе. Тогда же заинтересовался философией, с которой now расстается по сей день. Тем не менее, выбрал социологию в университете культуры и искусств, чтобы внимательнее изучить общество. Изучил. И вернулся к философии. Аспирантура и кандидатская диссертация по истории русской философии отразили интерес к вопросам высшего порядка.

С тех пор работает в высшей школе, проводит исследования по истории мышления наших предков — далеких и не очень.

Поиск формы выражения привел в литературу, ведь, как говорил Мартин Хайдеггер, "чем реже поэты, тем более одиноки философы". Литература позволяет говорить не только умом, но и сердцем, выражать не теории, а настроение.

Пища земная и пища небесная

Дмитрий Барановский

С началом Петрова поста на кухне Марьи Васильевны всегда начиналось оживление. Холодильник отворял свою дверцу по несколько раз в час, полки и кухонные шкафчики подвергались яростной ревизии на предмет не богоугодных продуктов. Последние, ежели срок их хранения обещал не выдержать поста, покидали кухню навечно. Так было и в этом году.

Сама Марья Васильевна не была искушена в церковных делах, да и верующей себя называла с большой натяжкой. «Да, – говорила она батюшке на исповеди, слегка сомневаясь в пользе этих разговоров, – соблюдаю посты по настоянию мужа, Вас знаю, батюшка, Рождество и Пасху отмечаю – как же без них! На литургии всегда стараюсь быть. Бывала б и чаще, да больно рано она!» И на этом все.

Она бы и этого не делала, но вот ее муж, Никифор Петрович, тот был настоящим праведником. И как истинный праведник он привел всю семью в состояние мучеников. Потому любящая мужа всем сердцем Марья Васильевна и постилась, и, скрепя сердце, выбрасывала свежие, но непостные продукты. Бывало, и на утреннюю литургию пораньше ходила, и книги вместе с мужем читала. Любимого мужа ведь

не оставишь наедине с тысячелетним церковным преданием. Он и так последнее время казался ей слегка странным.

Бывало, придет муж с работы, а Марья Васильевна ему горячий суп подает. То, что и сама она отработала не важно: Никифор Петрович считал, суп подать – бабье дело. Муж попробует, да отвергнет подношения жены, мол, непостный суп, нельзя есть. Временами, Марья Васильевна сомневалась, что Иисуса искушали только едой. Все-таки, Всемогущего Бога можно было бы и «чем-нибудь эдаким заинтересовать», как она говорила.

В сущности, Марья Васильевна, эта кухарка и на заводской столовой, и дома, с девятью классами советского образования и бесчисленными поучениями мужа, была права. Попадись ей стихи из Евангелия, задумайся она над ними, то поняла бы – в этом на Марью Васильевну можно надеяться – что искушения Христа и Его стойкость суть пример для каждого постящегося.

И нашла бы Марья Васильевна слова Иисуса на искушение голодом «не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих». И читала бы Библию чаще, ведь в ней слово Божие. Быть может, узнала бы и о грехе гордыни. Хотя, какая Марье Васильевне гордыня! Узнала бы о вероотступничестве, о Богопочитании.

Пока же лишь священник, с покорной радостью слушающий нерегулярную исповедь Марьи Васильевны, и наблюдавший за ее воцерковленным мужем, полагал, что в их чете

настоящий святой – это Марья Васильевна.

Загадочная статуэтка Дмитрий Барановский

Александр Маркович был человеком высокого роста, худой и изогнутый, тяжелая голова его наклоняла всё тело вперед, и издали он напоминал знак интеграла. Александр Маркович был прогрессивных взглядов. «Убеждения, – говорил он, – путь к догматизму, ученичество и преемственность – причины застоя, вера вовсе неуместна в исследовательской практике! Лишь анализ причин и следствий, точный расчёт вероятности, отсечение всего, что мешает скелету нашей теории – вот шаги к научному, а значит, истинному знанию».

Александр Маркович не верил в энергии. Для него энергия была тем, что измеряется в джоулях, а энергию человека Александр Маркович никак не мог измерить. Каждое явление Александр Маркович объяснял по-рациональному сухо, даже наблюдения за самым прекрасным ему доставляли удовольствие только потому, что он мог объяснить прекрасное со своих сухих логических позиций. Ходячий интеграл будто нарочито низвергал лирику, ему доставляло удовольствие развенчание веры других людей в чудо и красоту, он презирал изысканный витиеватый слог. Александр Маркович был сух и логичен. И от этого невыносим.

Случалось Александру Марковичу встречаться и с фило-

софами. Последних он всегда называл лириками за то, что их волновали разнообразные границы – познания, незнания, космоса, жизни – а найти ответы на них никак не получалось. «Без точного расчёта», – обычно ехидно добавлял Александр Маркович.

Однажды случилось побывать Александру Марковичу в антикварном салоне Михаила Фабиановича. О ней наш герой узнал от одного из студентов и решил проведать, правда ли в нём царит вера в энергии «ци». Завидев нового посетителя, Михаил Фабианович дал ему в руки статуэтку и начал о ней усердно сообщать только самое искреннее. Статуэтка принадлежала нескольким воинам, затем крупному военачальнику, бывала на полях сражений, считалась оберегом и спасла немало жизней. После этих рассказов Александр Маркович, ни секунды не сомневаясь, принял вызов своим научным взглядам, заплатил за неё три тысячи и вышел, исполненный ожидания триумфа его сухого логического разума над древними наивными верованиями.

В голове его уже зрел план лекции, на которой он, насмехаясь, будет разрушать одно за другим представление о сверхъестественном. Согласитесь, за такое не жаль отдать и вдвое больше!

Придя домой, наш герой поставил статуэтку на шкаф, лег на диван перед этим шкафом и заснул до самого утра. Вечер выдался очень дождливый. Наутро проснулся Александр Маркович в той же одежде, что и вчера, в той же должности,

с теми же купюрами в кошельке. Только мир казался ученому будто немного другим. Александр Маркович наклонился, взял статуэтку с пола, хотел было вспомнить всю свою критику, но не захотел. В конце концов, строгость и сухость мышления, презрение к красоте языка, к вере в чудо и добро – тоже догматика. Александр Маркович осознал, что все его построения исключали человека, и потому он был так яростен к мнению других. Если человек верит, значит, это необходимо.

«Нужно подойти с другой стороны», – решил учёный. Быть может, он не прозрел, не уверовал в Бога и не изменил своих бытовых практик. Но сделал большой шаг в осознании себя и мира.

Что произошло той ночью и почему статуэтка оказалась на полу, никто точно не знает. Одни соседи Александра Марковича сказали мне, что тем вечером выглянули в окно и увидели, как древняя китайская статуэтка с самой верхней полки шкафа со свистом пролетела прямо на голову учёного. Говорят, они даже услышали звон. Верить или нет – решать Вам.

София природы

Дмитрий Барановский

Он смотрел на волны, которые окатывали прибрежную линию. Волна подступала и забирала с собою все, что он чертил на поверхности этого податливого материала – мокрого песка.

Там были замки, лучи солнца, люди – все это волна забирала с собой. Это наблюдение учило его жизни.

Он начертил человека. Две палочки снизу, две посередине и один кружок сверху – человек. Не идеальный, но тот, что отражает образ идеального человека. Он вспомнил монолог телеграфиста, шулера и немного философа Сатина из «На дне» Горького. Он вызубрил этот монолог еще в школе: «Все – в человеке, все для человека! Существует только человек, все же остальное – дело его рук и его моз...»

Не успел он закончить, как вода смыла фигуру человека. Остались лишь воспоминания. Это дало еще один урок нашему герою.

«Природа, быть может, мудрее человека», – промелькнула странная и чем-то тревожащая мысль, – «Природа, часть которой и есть человек, мудрее».

Долго еще смотрел он на прибегающие и убегающие волны. Долго не мог поверить, что его собственные мысли уравни-

новесила бессловесная и неразумная природа. Казалось, то была саморегуляция природы. Ее умение усмирить высоколobie человека.

То, что ученые умы именуют гомеостаз. Но он, разумеется, не мог в это поверить.

О ценности человека

Дмитрий Барановский

По белизне больничных палат скользили едва заметные белые халаты врачей. К белой посуде притрагивались дрожащими белыми руками пациенты. Белый успокаивающий шум раздавался по всей клинике. По всему белому миру медицинского института черным пятном шел Александр Иванович в траурном темном костюме.

Доктор дошел до своего стола, сел, открыл папку и начал задумчиво читать. Компьютер тарыхтел. Александр Иванович был молчалив и явно что-то переживал в глубине себя. Привычный мир как будто слегка изменился. Вероятнее всего, изменился взгляд Александра Ивановича, а мир оставался той же загадкой, но доктор об этом не думал.

Внезапно в кабинет вбежал взмыленный ординатор, все облачение которого выдавало жажду пересдать экзамен.

– Александр Иванович! Я готов побороться за отличную оценку! Александр Иванович! – Ординатор увидел тяжелый взгляд доктора. Неужели с самого утра кто-то из пациентов скончался? Смерть в большом медицинском учреждении – это что-то привычное, и человек с большим стажем работы воспринимает смерть как тяжкую, но неминуемую часть профессии.

– Александр Иванович, вы скорбите по пациенту? Их миллионы, и никто не уйдет от смерти, – изловчился в служебной этике будущий врач.

– Я, дорогой мой, – Александр Иванович глубоко вздохнул, – скорблю по феномену человека.

Александр Иванович был доктором философских наук.

Прекрасное светлое будущее

Дмитрий Барановский

«Прекрасное светлое будущее», – сколько раз, сидя на работе, он задумывался над этим выражением.

Прекрасное – совершенство, наслаждение, идеал, неутилитарность и невульгарность. Светлое – в этом он видел нечто яркое, истинное, явленное миру, полное искренности и чистоты. Картина прекрасного светлого будущего завораживала его.

В этом будущем людям не нужны будут стены и ограды, которые так ненавидел Руссо. В мире будущего все будет прозрачным и открытым. Свет будет литься со всех сторон.

Он взял покрытый налетом стакан и протер его салфеткой. Солнечные лучи заиграли на стенках стакана, заставляя его блестеть и переливаться. Сквозь стакан можно было увидеть маленькое солнце, уместившееся внутри.

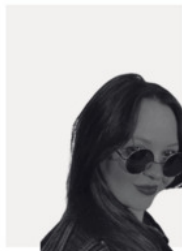
Держа стакан в одной руке, второй он поставил в него ложку так, чтобы она образовала внутри шпиль. «Прекрасно» – подумал он, и улыбка самовольно скользнула по его лицу.

Он отложил послеобеденные забавы и решил вернуться к работе. Он встал со стула и подошел к окну. То зрелище, что открывалось из его окна, он и называл прекрасным и светлым. Ряды прозрачных стен на полтора десятка этажей

возвышались от самой земли. Цилиндрическое строение было разбито на секции, каждая из которых проходила сквозь всю толщу здания. У этих секций было по два окна: одно, выходящее внутрь как раз напротив его взгляда, и другое, выходящее на внешнюю сторону и позволяющее свету освещать всю секцию.

Он стоял в самом центре, в лучах солнца, проходившего сквозь цилиндрическое здание, на его груди блестел жетон, на поясе висела могучая и внушающая жильцам здания страх дубинка.

Надев фуражку, с улыбкой и, казалось, даже некоторым причмокиванием, будто смакуя мысль, он произнес про себя: «Оказывается, что свет стережет лучше, чем тьма, которая в конце концов укрывает. Все равны. Светлое будущее определенно лучше темницы».



*Бабушки для
меня -
сказочный,
возможно,
фантазийный
город, где
живет моя
мама*

Мария Кауппинен

Пишет, когда захочет, и тогда у всех мурашки

Интересный факт о себе

Веду кулинарный блог - двойное удовольствие готовить и описывать процесс

Биография

Писала ещё в школе, подавая такие надежды, что учителя заранее готовились к автографам. Потом махнула рукой и решила писать только тогда, когда действительно захочется — и это, пожалуй, лучшее решение в её творческой биографии.

К двадцати у Марии уже выработался узнаваемый стиль: лёгкий, как дыхание, но с припрятанной интригой, которая держит читателя до последней строки.

В сборник вошёл рассказ, написанный в шестнадцать — тот самый возраст, когда всё всерьёз, а слова ещё не боятся быть честными. Пишет редко, но метко. Когда пишет — мир становится чуть загадочнее.

История одного такси

Мария Кауппинен

Водитель такси взял новый заказ и поехал на Милл-борн-стрит. Мимо проносились деревья, люди, спешащие на работу, и собаки, обнюхивали всё на своём пути, таща хозяев на поводке. В салоне машины звучал джаз, перемешаясь с ровным рычанием мотора.

Музыку разрезал резкий звук популярного рингтона. Водитель бросил взгляд на экран, нажал кнопку и поднёс телефон к уху.

– Алло?

Ответ ворвался в ухо с такой силой, будто его ударили.

– Я заказала ваше чёртово такси ещё двадцать минут назад! Вы вообще понимаете, что значит «срочно»?! – голос в трубке вибрировал от плохо скрываемой ярости.

Он даже не поморщился.

– Не волнуйтесь, я уже подъехал, – он не успел договорить – в трубке уже раздавались короткие гудки. Водитель усмехнулся. Людское нетерпение его забавляло.

Через несколько секунд задняя дверь резко распахнулась. В салон скользнула девушка. Не села – именно скользнула, как человек, который привык требовать свое пространство, а не просить его. Дверь с силой захлопнулась.

Она была безупречна. Волосы – уложены так, будто каж-

дую прядь вымеряли линейкой. Макияж – холодный, идеальный, выверенный до миллиметра. Худые пальцы с длинными, острыми ногтями, аккуратными до стерильности, замерли над дорогим кожаным клатчем. Пиджак сидел идеально, словно был сшит прямо на ней. И только лицо выбивалось из картинки идеальной леди – презрение нанесло на него нестираемый отпечаток.

– Зачем вы повернули направо? – голос её был резким, в нём звенело опасное напряжение. – Офис «ДжинКар» в другой стороне. Она скорее выносила приговор, чем задавала вопрос.

Водитель не ответил. Лишь чуть повернул регулятор громкости. Веселые нотки джаза стали громче, будто нарочно не поддавались яду девушки. Таксист повернул на длинную объездную дорогу. Он знал – на улице Огней всегда заторы. Семь километров вместо трёх. Почти час.

В зеркале заднего вида он видел её руки. Она что-то печатала в телефоне. Быстро. Резко. Стирала. Снова печатала. Ногти щёлкали по экрану – коротко, раздражённо, как капли кислотного дождя по стеклу перед бурей. Она вздыхала – не устало, раздраженно. Будто сам воздух в этой машине был ей чем-то обязан и не справлялся с задачей.

Поймав взгляд в зеркале, она резко подняла глаза. И в тот же момент её лицо изменилось. Краска схлынула, оставив мертвенную бледность. Она схватилась за грудь, пальцы вцепились в дорожную ткань пиджака, сминая её.

– Мне... – голос сбился, превратившись в хрип, – мне сложно дышать...

Человек за рулем обернулся. Спокойно, без суеты.

– Вам плохо? – он уже знал ответ. Этот приступ удушья был лишь началом её пути.

Она кивнула, хватая воздух короткими, неровными вдохами, похожими на всхлипы. Он достал бутылку воды из бардачка и протянул девушке. Та выхватила её, жадно сделала глоток. Вода потекла по идеально покрашенным губам, размочила воротник блузки, но пассажирка не обращала внимания. Через секунду дыхание выровнялось, но в глазах остался лихорадочный блеск.

Она откинулась назад, прикрыла глаза и внезапно усмехнулась.

– Уже лучше... – голос вернулся к прежнему, с оттенком ледяной снисходительности. – Не стоит так переживать.

– Я и не переживал, – спокойно ответил водитель и вернул свое внимание дороге.

Она медленно открыла глаза и посмотрела на него через зеркало.

– Переживал, – сказала она тихо, смакуя каждое слово. – Просто скрываешь. Тебе ведь тоже есть что скрывать, верно?

Она помолчала, глядя на бесконечную вереницу стоп-сигналов впереди.

– Давай на «ты»? Нам тут стоять долго. Я уже всё равно опоздала, так что ты теперь – мой единственный слушатель.

Он кивнул:

– Как тебя зовут?

– Кристин. Тебе было интересно, почему я спешу? Я расскажу, но ты выполняй свою работу молча.

Она провела острым ногтем по кожаному сиденью, оставляя на нём едва заметный след.

– Я десять лет в этой компании, – начала она, глядя в окно на серые многоэтажки. – Сразу после колледжа. Я построила всю работу в отделе. Я знала, кто ворует канцелярию, а кто – миллионы. И держала их всех за горло.

Её губы дрогнули в хищной улыбке.

– И знаешь, что они сделали? Они решили, что я «перегорела». Поставили на моё место её. Кайлу. Эту маленькую, улыбочивую дрянь, которая заглядывала мне в рот пять лет.

Кристин тихо, сухо рассмеялась.

– Я думала, что она учится у меня работать. А на самом деле она училась только одному – как ударить в спину. Она собрала все мои «жесткие» методы, все мои мелкие ошибки и принесла их на блюдечке руководству. Теперь она сидит в моём кабинете. Ставит штампы моей печатью и курирует мои проекты!

В машине стало тесно. Воздух словно загустел, пропитавшись её ненавистью.

– И что ты будешь делать? – спросил водитель, бросив взгляд в зеркало.

Кристин медленно вдохнула и улыбнулась. На этот раз –

без всякой маски. Это была улыбка человека, который уже разыграл главную партию.

– Я уже всё сделала. Я уничтожу её. Не просто уволю – это слишком милосердно. Я сделаю так, что её имя станет синонимом профнепригодности и воровства. Я подделала отчёты так, что комар носа не подточит. Через неделю за ней придут. Она будет гнить в судах, пока не продаст последнюю юбку, чтобы оплатить адвоката.

Она подалась вперёд, хищно улыбаясь. Почти коснулась плеча мужчины.

– Я хочу, чтобы она смотрела в зеркало и видела там ничтожество. Чтобы она думала только о смерти, потому что жизнь я ей отравлю до самого конца. Это не месть, малыш. Это порядок, – она откинулась на спинку, сопроводив движение перестуком ногтей по подлокотнику, – В моём мире за подлость платят кровью.

В этот момент машина плавно выехала из пробки. Стала видна область серьезной аварии. Хаос из стекла, бензина и красно-синих вспышек маячков спасателей.

Водитель обернулся на звонок телефона за его спиной. На сиденье лежал телефон недавней пассажирки и мокрый от пролитой воды платок. Девушки не было, но остался запах её парфюма, тяжелый и душный.

Он перевёл взгляд вперёд. На носилках, у самой машины скорой помощи, парамедик застёгивал чёрный мешок. На секунду маячок скорой осветил лицо. Безупречное. Идеально

уложенные волосы, застывшие в луже бензина.

Водитель чуть улыбнулся, глядя на застывшую гримасу ужаса на её мертвых губах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.